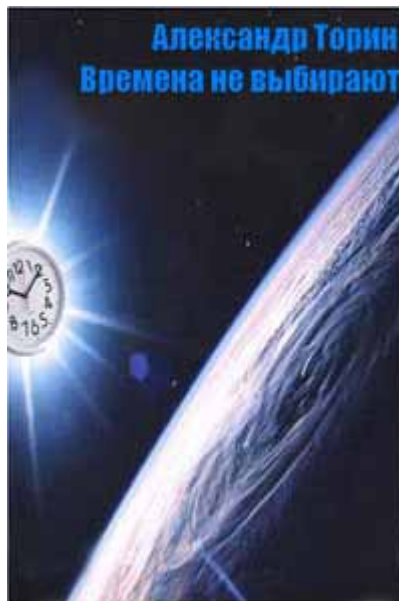

Александр Торин

Времена не выбирают

Copyright © 2000 Alexander Taratorin. All rights reserved.

Любое изменение этого текста, а также воспроизведение его в коммерческих целях может осуществляться только с согласия автора.

E-mail: amtar@pacbell.net

1.

Тем шальным летом время нам отсчитывал речной автобус на воздушной подушке. Станный этот плавательный аппарат появлялся из-за песчаного плеса точно в пять минут девятого, когда лес становился розовым в закатных лучах, и над Окой пахло вечерним клевером и разогретой за день хвоей. Корабль взрывал поверхность воды мощными вентиляторами, расположенные над рубкой динамики хрипели радиопозывными "Полевой почты". Спустя четверть века мелодия эта вызывает холодную дрожь в спине, перерастающую в странную ностальгию.

– Всех распугал, чтоб ему пусто было! – Николай Васильевич, жилистый, смуглый мужик с рассеченной пополам бровью, загребал правым веслом, разворачивая лодку носом к волне. – Только рыба покрупнее играть начала...

Николая Васильевича я слегка побаивался. Работал он мастером на оборонном предприятии в Москве, о работе и жизни своей не распространялся, да и вообще был неразговорчив: все время курил свой любимый "Казбек", и хрипло покашливал. Бывают такие люди, ничем особенным не выделяющиеся, но потом вдруг оказывается, что без них никак нельзя.

2.

В конце июня отцу предложили две "горящие" путевки в турбазу на берегу Оки. Что может быть лучше песчаных плесов, костра, бутылки портвейна из сельского магазина, рыбной ловли и, конечно, девушек. Лето в Москве было душным, путевки недорогими, до начала третьего курса еще оставалось два месяца, и мы с Лехой, моим институтским приятелем, в тот же день сложили рюкзаки.

Стояла влажная жара, отдыхающие прятались в тени. В турбазовской столовой кормили теплой окрошкой и компотом из сухофруктов. Рыба ушла: два дня подряд мы с Лехой собирали все душевные силы и вставали в четыре утра, но и это не помогло. От воды пахло теплым илом, казалось, река вымерла. Вместе с рыбой исчезли девушки. За неделю нам попалась всего одна, в очках с выпуклыми линзами. Девушка сидела на скамейке у спуска к Оке и читала "Трех Мушкетеров". Она училась в Бауманке, разговаривала громко, почти-что мужским басом, к тому же оказалась секретарем комитета комсомола факультета мощных холодильных установок, или чего-то в этом роде...

Лодочный поход казался спасением. Две недели на веслах, сухой паек, палатки.

В старой папке для бумаг с розовыми тесемками и тисненой надписью "Дело №", я нашел разлинованную, подмокшую тем летом тетрадную страничку – список туристов длиной в тридцать пять строк, с адресами и телефонами. Народ на турбазе подобрался случайный, со всего Союза. Врач, водитель, библиотечарша, нефтяник, студент, прапорщик, Барнаул, Каунас, Москва, Вологда, Рига, Иркутск, Воркута, Иркутск...

Тридцать шестым участником похода был Миша.

3.

Утром понедельника седьмого июля, двенадцать лодок и тридцать шесть человеческих душ оттолкнулись от деревянного мостика и медленно двинулись против течения.

Нам не везло. Началась гроза, вначале пошел сплошной стеной дождь, потом поднялись волны с пенистыми барашками. Мы зачерпнули бортом воду, с неба посыпался колючий град, налетели порывы ветра, и лодки одна за другой уткнулись носами в песчаную косу.

Под кустами собрались промокшие отдыхающие и турбазовский инструктор. Инструктору, Андрею Петровичу, было лет тридцать, голубой физкультурный костюм его вымок, промок и положенный ему по должности пистолет.

– Андрей Петрович, – у нашего официального походного врача, невозмутимого доктора Розенбергиса, был легкий прибалтийский акцент. На фоне прочих путешественников, доктор выглядел почти что представителем Западной цивилизации. Даже промокшая брезентовая куртка сидела на нем элегантно. Впрочем, скорее всего, дело было в изящных очках в тонкой оправе, чем-то напоминавших Чеховское пенсне.

– Что вам, доктор? – Инструктор нервно курил размокшую сигарету.

– Надо что-то решать. Люди вымокли. Продукты испорчены. Необходимо возвращаться на базу.

– Да какая там база, блин, – инструктор закашлялся. – У нас по плану на сегодня еще двадцать километров до стоянки.

– Андрей Петрович, – акцент у доктора неожиданно усилился. – Я надеюсь, вы понимаете, что двадцать километров в текущих климатических условиях...

– Какие еще такие условия? Смотрите, как все растянулось...Бог, он с большевиками.

Религия и идеология причудливо переплелись в народном сознании. Клочок голубого неба, будто издеваясь над туристами, завис над песчаным плесом, начало парить, даже стало душно, здоровенные градины таяли на глазах, и лодки, оттолкнувшись от островка, поплыли дальше. Со дна реки змеиными клубками поднимался мутно-зеленый ил.

4.

Время – странная субстанция. В нем возникают вихри, водовороты, провалы, сумасшедшие ускорения и вязкое болото... Бывает, что за две недели можно прожить целую жизнь, и до пенсии вспоминать о бесконечном фейерверке событий. Чаще случается так, что за четверть века ничего не произошло, появляется седина в висках, усталость к восьми часам вечера, умирают от инфаркта школьные друзья, и стоит во рту кислый привкус распада.

Мне часто снится, что я возвращаюсь в то лето. Странные реки, шлюзы, лодки и корабли возникают в уставшем сознании. Смешались в этом сне колесные купеческие пароходы, совершавшие во времена моего детства экскурсии Москва– Астрахань, ракеты и метеоры, бороздившие канал имени Москвы, прозрачная вода на песчаном плесе, и русалки, мерцающие призрачным серебром среди деревьев... Снова и снова я оказываюсь там, на этом речном рукаве, неподалеку от Тарусы...

– Та рам, та рам, тара-рарам, тарам-тара тарамтам... – режут динамики. – Московское время восемь часов пять минут. В эфире радиостанция "Маяк". Начинаем программу "Полевая Почта". В нашу редакцию пришло недавно письмо от Зинаиды Ивановны Голиковой из села "Заречное" Кировской области. У Зинаиды Ивановны два сына. И служат они в пограничных войсках, охраняя рубежи нашей родины. Сережа и Толя Голиковы, если вы сегодня слушаете нашу передачу, то следующая песня – для вас.

– Где ты моя ненаглядная, где? В Вологде-где-где-где, в Вологде-где..

– Ой, да это же все про меня, – Таня, худенькая, с длинными до плеч золотистыми волосами, запоздалыми веснушками, закусывает губу. – Я же из Вологды. И парень у меня – Толя, он во Владивостоке служит.

– Эй, Санек, ты что пил? – Николай Васильевич докуривает свой "Казбек".

– Как это что? Что все, то и я. Бычью Кровь.

– Ты эту отраву брось, вот, держи, только понемножку, и осторожно в себя запускай. Выдыхай, и запивай самое главное... – он протягивает мне алюминиевую кружку.

Огненная вода, коварный спирт, от которого сводит дыхание. Действие у спирта замедленное, но беспощадное. Языки пламени извиваются, угольки улетают вверх, к звездам, и вот-вот появятся из-за деревьев безжалостные всадники с азиатскими глазами. Я будто вижу их, усталых и жестоких, от них пахнет конским потом, засохшей кровью, невымытым человеческим телом...

– Не, мужики, – голос Николая Васильевича возвращает меня в призрачное настоящее. – Сегодня хреново у нас клевало. Хотя, рыба есть. Есть рыбка, вон как она на закате хвостами играет. Иной раз подумаешь, что белуга. Как ухнет, зараза, сердце обрывается.

– Какая тут белуга, Николай Васильевич. Тут даже подлещика не дождешься.

– Не веришь. А ты послушай. Случай у меня был, я еще дитем неразумным с батей на колесном пароходе по Волге плывал. И вот, я на корму вышел. Тогда только Калязин затопили, колокольня из воды торчит. А водичка прозрачная, поля там, деревни. Избушки, стоят, клянусь, видно их тогда было. Но главное не это – в глубине такие звери играют, куда там вашим китам. Огромные, почти что с пароход. Хвостами так и виляют: налево, направо. Жуть меня взяла.

– Ну ты и скажешь, Николай Васильевич. С пароход. Будет заливать-то.

– Да не вру я. Так и не знаю, кто это там плывал. Ну, да ладно. Дело в том, что в прошлом году знакомый мой стерлядку около Тарусы вытащил. Царскую рыбу... Водится она здесь, только наживку не берет почему-то. Отъелась... И ты заметил, только она хвостом бить начинает, как этот катер, мать твою... Речной трамвайчик, так нет, выпендрелись, сделали на воздушной подушке. С авиационными моторами... Ты запивай, запивай.

– Мели здесь, плесы. Иначе, как на воздушной подушке, и не пройдешь...

Костер догорает, остаются лишь угольки, красные, таинственные, отбрасывающие странные тени на алюминиевых чашках, котелке с картошкой и пустых банках китайской тушенки "Великая Стена".

– Ну, будет, – у Николая Васильевича "Спидола" с архаичными желтыми пластмассовыми лучиками и черными, ребристыми колесиками настройки. – Новости послушаем. Может, пока мы тут плаваем, война уже началась.

– По сообщению информационного агентства ТАСС, успешно завершена стыковка космических кораблей "Аполлон" и "Союз". Советские и Американские астронавты, несмотря на принципиальное различие мировоззрений...

– Нет, ну надо же! Да что они так скромно. Они все-таки состыковались! Что вы сидите? Что вы пьете всякую дрянь! Они живы! Вы слышите, они живы! – Миша завелся. – Они состыковались! Там, на орбите, я уверен был, что они погибнут. В тысячах километров друг от друга...

– Он чего, больной, этот ханурик, или принял лишнего? – Серега из Воркуты чиркнул спичкой, и его лицо с недавно отпущенной бородкой, на секунду высветилось в темноте. – С вами, столичными, никогда не знаешь, чего ждать. Я такого гуся однажды встретил, по распределению к нам на шахту направили.

– Чудо. Это чудо, и это вселяет надежду... Представить себе невозможно, с допотопными средствами навигации, архаичными датчиками, и все-таки удалось найти друг друга в этой бесконечности. Состыковаться, да нет же, это удивительно!

– Ты, Миша, помолчи лучше. Не мешай слушать, – начал заводиться Николай Васильевич. – Все-таки историческое событие.

– Космос, вакуум, он пахнет. Тлением, невесомостью, пластмассой, температурой, я не знаю, что именно, но на орбите воняет жженной резиной. Нет, скорее, испаряющейся. И страшно за всех нас. – Миша заплакал.

– Е-мое, – скривился Серега. – только психического нам не хватало.

– Ну, будет, мужики, еще по одной, и спать – командует Николай Васильевич. – За успехи отечественной космонавтики. Пахнет ему, понимаешь... Космонавт... Я настоящих космонавтов видел, к вашему сведению. Вот пошел бы в наш цех, понюхал бы, чем жизнь пахнет.

5.

Двадцать четыре года спустя я жил в Америке и обедал за одним столиком с долговязым американцем лет тридцати пяти. Стив всего месяца три, как вернулся с орбиты – чинил космический телескоп. Рядом с астронавтом вдумчиво разжевывала кекс его гордая мама. Нет, я никогда не был близок к космонавтике, за одним столиком мы оказались случайно. Мой знакомый увидел другого своего знакомого, с которым когда-то вместе работал, астронавт жил в соседнем городке, учился с ним в школе, и так далее. Разговор, как и ожидалось, вскоре перешел на космические темы.

– Нет, я конечно же, боюсь, – признался астронавт. Все-таки, вероятность погибнуть около пяти процентов, и никуда от этих мыслей не деться. Особенно, во время взлета. Но самое страшное, даже неожиданное – это то, что космос пахнет. Невесомость и вакуум пахнут жженой резиной. Синтетической пластмассой. Что-то там испаряется в этих космических лучах.

Было жарко, но ледяные иголки медленно опускались по спине. Откуда, каким дьявольским образом Миша мог про это узнать?

– Попробуй вот это пирожное, Стив. – Скрипучим голосом произнесла мама астронавта. – С твоим любимым шоколадным кремом.

6.

Когда нас распределяли по лодкам, ребят покрепче разбросали для укрепления слабых экипажей. Леху определили к двум бабам более чем среднего возраста, а мной доукомплектовали жизнерадостную тетку в физкультурных штанах с красными лампасами, из безнадежной провинции.

– Саша, я из Москвы, студент, – представился я.

– Нина Петровна, – энергично взвизгнула тетка. – Учительница я, деток физкультуре обучаю. А вот в Москве не бывала еще. Надо проведать, столица все-таки... Я, так, Саша, понимаю, что мы с тобой будем гребцы, – шепнула мне на ухо Нина Петровна. – А вот от этого ханурика толку мало выйдет.

От учительницы физкультуры пахло чесноком, разрушающимися зубами и здоровым спортивным потом.

Третьим членом экипажа был странного вида парень. Мише можно было дать лет двадцать восемь – тридцать. Он был ужасно, патологически худ, кожа его, белая с желто-синеватым оттенком, как у бройлерного цыпленка, лицо с веснушками, глаза, изолированные от окружающего мира очками с толстыми линзами, все это вызывало жалость и почему-то безразличие.

– М-миша, – я понял, почему Нина Петровна прозвала его хануриком. – Миша заикался, шмыгал носом, и пару раз дернул шеей. Глаза косили, на щеках его завивались колечками странные бакенбарды, переходившие в белесый пух на щеках.

– Саша, студент.

– Я тоже вечный студ..дент. Считайте, что я в самовольной ака... Ака... Акаддд...

– Академке?

– Вся наша жизнь – это акад..демический отпуск от самих себя...

Миша застревал на согласных.

– Ничего не понял, – смутился я. – Ты о чем, Миша?

– Потому что, от себя не уйти.

– Ааа, – глубокомысленно промычал я. – Ну да, в каком-то смысле...

– Вот я смотрю на нас, и понимаю: все – хорошо забытое старое. Мы бессмысленно копошимся, голоса наши затухают, река течет, и нет ничего нового под солнцем.

Заикание внезапно исчезло, будто его и не было никогда.

– Так, Эклезиаста я еще в раннем детстве читал, – отпарировал я. – Нас этим не проймешь. Предлагаю завязывать с мрачными мыслями, зачерпывать воду веслами и плыть против течения.

– Саша, нам хорошо было бы поговорить в приятном уединении джентльменов, – Миша нервно дернул шеей и лицо его порозовело. – Мне кажется, что мы с вами найдем об... Обб. Щий. Язык.

Мне показалось, что Мишино заикание было связано с нервными подергиваниями шеи. Впрочем, я мог ошибаться.

– Миша, извините, да вас бы Стенька Разин выкинул за борт, что вы болтаете, хуже, чем татарская княжна! – Третий член экипажа боролся со встречным течением. – Загребайте, нас на плес сносит.

– Княжна была персидской, кстати, моей любимой праб-ба-ббушкой.– Передернулся Миша. – Ее звали Арина Родионовна Пушкина.

– Господи, святые, попался же! – Перекрестилась учительница физкультуры. Стыдно, молодые люди, а ведь Ленина в институте изучаете.

– Нет, я решительно балдею, – заика расплылся счастливой улыбкой.

7.

– Мы пов-повторяем типичную ошибку челове-веческих существ. – Миша был освобожден от гребли, и назначен впередсмотрящим. – Правее бы чуточку.

– Какую ошибку, Миша? – я вытащил левое весло из воды.

– Я все пытаюсь найти хоть какой-нибудь смысл в происходящем... В происшедшем и в бу-бу- дущем. – Миша выгибал худую шею, и внутри его тела что-то отрывисто щелкало. – Если задуматься, куда и зачем мы плывем?

– То есть? – я удивился. – Отдыхаем мы. Поход у нас, туристический. Путевка.

– Мы плывем из прошлого в будущее. А зачем уставать, если мы отдыхаем? – Миша прижал голову к плечу, что-то внутри у него хрустнуло, и мне стало не по себе. – Не проще ли отдохнуть, если мы устаем? Плыть по течению.

– Это все потому, что молодежь в городах избаловалась, – поджала губы Нина Петровна. И, по моим наблюдениям, чем ближе к столице, тем распухшее молодые люди и девушки, идеи к ним в голову лезут вредные, и вообще, безобразия сплошные. Вы, Миша, не обижайтесь, но странные какие-то вещи говорите. Столько всего народ наш перенес – и войну, и разруху. Только жизнь кое-как налаживаться начала, а вам, опять все не так. Вот у меня дочка, пошла в техникум...

– Я же ззз... Знаю, что сейчас будет. Вот в чем проблема. Я все заранее знаю. Не хочу, но чувствую. Я с ума от этого сойду, честное слово.

– Миша, успокойся – Мне было неловко.

– Сейчас опять пойдд. дет град, и потом еще один смерч будет. Может деревья повалить... Нам бы к берегу пристать.

– Миша, над нами солнышко. Никакого града не случится, максимум – летний дождик. И мы замечательно приплывем на стоянку, заварим чай в котелке, а завтра утром, ну или вечером, я поймаю здорового сома на донку, и все это ерунда, и полная чепуха.

– Ну, плывите, пп– Пплывите... Я здесь вообще никакой роли не играю. Психическое поле. Мыльный п-п-пузырь.

– Вот видите, – Нина Петровна была возмущена. – Пузырь... Ему в психушку надо, – зашептала она мне на ухо чесночной струей, а их на турбазы пускают. А вдруг этот типчик буйный? Да где это видано, чтобы подобные представители отдых нормальным отдыхающим портили?

– Я ведь слышу все, Нина Петровна, – проскрипел Миша. – Пожалуйста, не гребите с таким китайским усердием, осушите весла... И вообще, Мemento мори.

– Сами вы, извините за дурное слово, китаец, и этот ваш Мори...– обиделась физкультурница и начала мне подмигивать. Она явно искала сочувствия и намекала на то, что Миша болен головой.

Пошел град, вначале мелкий, потом с голубиное яйцо. На третьей лодке кому-то разбило голову, поднялся ветер, и черное облако спустилось на воду. Оно прошло метрах в пятидесяти от нас, вырвало с корнем два старых дерева, нависших над водой, ударилось об холм и рассыпалось десятком мелких вихрей.

– Нет, вы подумайте только, он меня китайцем назвал, – возмущалась Нина Петровна.

– Товарищи, – закричал инструктор. – В связи с погодными условиями, мы временно пристаем к берегу. Просьба не разбредаться, поход продолжается. Здание с башенкой – дача музыкального пианиста Святослава Рихтера. Просьба его не беспокоить, товарищ Рихтер нуждается в отдыхе.

Лицо у Миши начало подергиваться, и из глаз потекли слезы.

– Ты чего, Миша? – Вся эта история переставала мне нравиться.

– Да нет, так. Это все равно, как сказали бы где-нибудь в Лейпциге в восемнадцатом веке: "Тссс, господин Бах играет на органе, пожалуйста, громко не сморкайтесь и просьба не икать..." Я все-таки пойду, послушаю тихонько, вдруг он сейчас репетирует...

– Психопат! – Нина Петровна покрутила пальцем у лба. – Уколы ему надо, а не по родному краю путешествовать...

8.

Вымокли люди, набухли влагой концентраты в бумажных пакетиках. Подул вдоль реки ледяной ветер, и в разгар лета пошел в среднерусской полосе мокрый снег с дождем. Куда только девалась душная жара...

– Андрей Петрович, надо бы костер развести. Люди насмерть простудятся. – доктор из Каунаса заботился о коллективе.

– Нам еще восемь километров.

– Темнеет. Давайте встанем здесь, хорошее место. Поворот реки, поляна.

– Я сказал, не положено, – начал заводиться инструктор. – Сказано, восемь километров надо пройти, значит – надо!

– Ты, инструктор, много себе позволяешь. – Николай Васильевич закусил подмокшую "Казбечину". – Устали люди. Холодно им, пойми. Не пройдут они еще восемь километров против течения. Тебе что, Андрей, ЧП не хватает? А вдруг утонет кто-нибудь, или воспаление легких подхватит, тебе же отвечать придется.

– Блин, умные все стали. А мне потом на базе рассказывать, мол, дождик пошел, вот до стоянки и не доплыли.

– Да не нервничай ты, смотри, солнце садится.. Обсушимся, а с утречка дальше пойдём.

– А я говорю по лодкам! – Инструктор вытащил из рюкзака пистолет. – Я здесь команду.

– Ну, давай!– Николай Васильевич пошел прямо на него. – Стреляй, принимай грех на душу.

– Назад! – взвизгнул инструктор.

– Дурак ты, – у Николая Васильевича появилась на лице странная ухмылка. – Жалко даже тебя, Андрюша. Что ты знаешь обо всем этом. Отдавай лучше пистолет по-хорошему, нашел себе игрушку.

– Не положено!

– Отдавай, говорю. Вот и славно. – Пистолет оказался у Николая Васильевича. – Слушай меня, ночуем здесь, надо палатки ставить и костерок хорошо бы развести. Кто умеет палатки ставить? Остальные – в лес, за хворостом. Возьмите с собой пару канистр. Если найдете родник – набирайте, если нет – вскипятим на костре речную воду. – Давай, давай Андрей Петрович, подсоби людям, ты же в походах человек опытный. А за пистолет не переживай, остынешь – тотчас отдам, он мне на хрен моржовый не нужен.

9.

– Этот Николай Васильевич – человек удивительный, – Миша был воодушевлен. – Тоже, конечно, не без выкрутасов, но молодец.

– Ты давай, очкарик, хворост собирай, – Серега, шахтер из Воркуты, был раздражен. – Сухой, желательно. Ты вообще, ханурик, костер хоть раз разводил?

– Сергей, я уваж-жаю ваш тяжелый труд в забое, но все же...Что вы себе позволяете?

– Ну, е-мое, начинаются столичные штучки! – Сергей неожиданно начал заводиться. – Да предложи они мне в те годы в Москву переехать, я бы ни за что не согласился. Нет, не по мне это. Потому что вы там, в городе, глотки друг другу перегрызете. Кровососы. Чокнутые все. И ты один из них. Посмотри на себя, физиономия прыщавая, зеленый весь, как фантомас.

– Господи, – Миша присел на упавшее дерево. – Зачем, откуда эта ненависть?

– Ты смотри, ханурик, какая елка шикарная. Сушняк, для костра в самый раз. Только не замочи по дороге, – Серега заржал. Вроде и культурный ты человек, а Богу молишься, будто моя неграмотная прабабка. Та – все повесит в углу иконку, и ну креститься, с утра до ночи. На лбу мозоль натерла. Молодые грехи, говорят, замаливала.

10.

Наконец, кое-как поставили палатки. Сырые поленья трещали, в котелке бурлил суп из сушеных грибов с картошкой. Чуть позже открыли пять банок "Завтрака Туриста", вскипятили чай, приняли обогревающих напитков и начали расходиться по палаткам.

– Саша. Извините. Нам надо поговорить. – Кто-то теребил меня за ногу.

– Миша, это ты? Побойся Бога. Пол третьего ночи.

– Ты тоже считаешь, что я сумас-шедший? Ну, скажем так, со странностями?

– Ничего я не считаю. Давай лучше поспим.

– Я такой же, как и все. Просто знаю больше, но не в этом дело.

– Слушай, Миша, будь другом...

– Через несколько лет начнется война. Постарайся на нее не попадать, все это будет страшно и надолго. Никому не верь. Начнут призывать, – выкручивайся, повестки теряй, уезжай куда-нибудь.

– Миша, оставь меня в покое. Какая война? С кем, с Американцами? С Китайцами? Ерунда, если что-нибудь не дай Бог случится, то две атомные бомбы, и ползи на кладбище.

– Мужики, дайте же поспать человеку! – Леха был в нашей палатке третьим. – Завтра трепаться будете, имейте совесть!

– Саша. Скажи, почему меня никто не любит?

– Миша, ты же знаешь, с оракулами такое случается. Хотя, со смерчем ты здорово угадал. Ты как это делаешь?

– Ты все равно не поймешь и не поверишь. Пока! – Миша вскочил и бросился в кусты, которыми порос речной берег. Я с досадой вылез из палатки. Берега не было видно, над водой поднимался туман. Кто-то плюхнулся в воду, засопел и начал отфыркиваться.

– Миша? – позвал я.

Где-то в тумане смеялась девочка, от хрустального голоса ее почему-то немели ноги.

– Миша! – мне стало жутко. Ветки хлестали по лицу, туман спускался с неба серебристыми рукавами, казалось, что я в нем тону. Опять этот хрустальный колокольчик, – я задержал дыхание.

– Что вы делаете, Сергей Иванович!

– Танечка, вы даже не представляете себе, как скучна жизнь в Заполярье. Олени, да чукчи.

– Это, которые в чуме рассвета ждут? – женский голосок удалялся.

– Я, Танечка, скажу вам прямо, – бубнил Серега. Потом стало тихо, и слышно было, как журчит вода, спотыкаясь о мозолистые корни упавшего в реку дерева.

– Если завтра в поход, – жизнерадостно отфыркиваясь, буркнул незнакомый голос, что-то большое ударило по воде хвостом, и начали петь птицы.

11.

– Как все-таки хорошо, товарищи, – Нина Петровна получала от процесса поглощения пищи полноценное физическое удовлетворение. – Вот так, покушать горячее на природе. Ничего больше не надо. И я вам скажу, вкуснее всего – наш ржаной хлеб. Потому народ русский и сильный такой, что черный хлебушек кушает.

– Вынесет все, – шептал Миша. – Коня на скаку остановит.

– Рыба играть начинает. – Николай Васильевич рассматривал хитроумную блесну с красными перышками. – Доедайте, да и по лодкам.

– Я очень люблю рыбку поудить, – Таню укусил слепень в ногу, и она, забыв об условностях, откинула юбку и остервенело расчесывала красный холмик. Бедро ее было покрыто нежным, едва заметным рыжеватым пушком – Возьмете меня с собой?

– Богиня, языческая богиня, – возбужденно бормотал Миша. – Только в провинции еще встречаются такие девушки. Как она непосредственна. Какая грациозность в каждом движении. Я посвящу ей поэму.

– Танечка, о чем разговор. – Серега докуривал сигарету. – Вы умеете забрасывать спиннинг?

– Нет, Сергей Иванович, не пробовала никогда.

– Ну что вы, это же так просто... Представьте, что моя рука – это удочка. Берите, вот здесь...

– Сергей Иванович, – хихикнула Таня.

– Да как он смеет, – Миша покраснел. – Этот неан-ндерталец в физкультурных штанах. Он что, думает, что раз у него полярная надбб-авка, так ему все позволено?

– Да, – развивала мысль Нина Петровна. – Вот иностранцы ржаного хлебushка не кушают, и хилые все. Потому что воли к жизни у них нет. Да и природы такой – ведь где такую красоту еще найдешь...

12.

Чуть ниже нашей стоянки, посередине реки, течением намыло островок. Песчаный пляж с золотистой водой, полоса низкорослого речного кустарника, и сосновый лес. Островок этот привлекал одиночек, похожих на нас с Валерием Аркадьевичем.

Валерий Аркадьевич был приземистым, спортивным, всегда гладко выбритым. Он излучал здоровый оптимизм. Бывают такие люди: стоило только оказаться рядом с ним, как хотелось вставать в пять утра, умываться ледяной водой из умывальника, отжиматься пятьдесят раз, пробегать пять километров, и появляться к завтраку полным жизненной энергии. Бывший полковник инженерных войск, он ушел в отставку и работал в столичном НИИ. Несмотря на армейское прошлое, оказался Валерий Аркадьевич умницей, интересным собеседником, и чуть ли ни диссидентом. Впрочем, мой сокурсник Леха подозревал в нем стукача и провокатора.

– Ну, как решили? Плывете с нами на остров, Алексей? – осведомился Валерий Аркадьевич.

– Спасибо, я лучше рыбку с народом половлю, – уклонился от предложения Леха. – Не буду отрываться от коллектива.

– Коллектив, – пыхтел бывший полковник, вытаскивая лодку на берег. – Еще чуть-чуть подтолкните, Саша. Да, коллектив – это собрание идиотов, навязывающих свою волю разумным существам. Нет, прогресс делается одиночками. Изгоями, людьми невыносимыми, шизофрениками. Любой коллективизм вреден для эволюции. Вот почему Америка процветает, а все мы сидим в глубочайшей заднице! Попробуйте, докажите мне, что я не прав!

– Я, честно говоря, не знаю. По всякому бывает.

– Ерунда! – Возмущался Валерий Аркадьевич. – В душе вы все знаете, вы просто признаться боитесь. А бояться вам вредно, от страха атрофируется мышление. Пройдет лет десять-пятнадцать, и ваше поколение окажется на нашем месте. И вам придется принимать решения, отстаивать свою точку зрения. Будете мямлить, стесняться, бояться за свою шкуру – стране хана. Черт побери, это еще что такое! – Валерий Аркадьевич едва не наступил на что-то пыхтящее, копошащееся в высокой, по пояс траве.

– Ой, товарищи. Надо же, сколько ни смотрю, удивляюсь, какая она замечательная, наша русская природа. Вот так вот, лежишь, смотришь в небо... И вы, как посмотрю, тоже любуетесь. – Нина Петровна вскочила и сконфуженно отряхивала физкультурные штаны с лампасами. Рядом с ней обнаружился лежащий на спине Серега-шахтер в расстегнутой рубашке.

– Угу, – недовольно подтвердил Сергей Иванович, покусывая в зубах травинку. – Такая природа вокруг, просто заебись.

13.

– Я завидую вам, – на следующий день Миша набился к нам в попутчики. – Вы не задумываетесь над тем, что вас окружает. Вы принимаете все, как есть. А у меня так не получается. Я чувствую время, его ус-словность, пустоту и ограниченность.

– Что вы несете, Миша, – возмутился Валерий Аркадьевич. – Мы ведь с вами взрослые люди. И потом, мы живем далеко не в худшие времена. Да не так уж давно за такие

разговоры, которые мы сейчас ведем, можно было загромоздить на полную катушку, сами знаете куда.

– А мне все равно грустно. Я всюду чувствую себя чуж-жеродным телом. Нет, я понимаю, надо принимать правила игры. И так одиноко, и тоскливо, и знаешь заранее, что все обречено и не имеет никакого смысла. Время вязкое, течет, зат-тягивает, дышать нечем. Я тону в нем, задыхаюсь, я с ума с-схожу! Попробуйте себе на секунду такое представить.

– Это у вас от нездорового образа жизни нервы расшатались.

– Да нет, вы ничего не понимаете.

– Все я прекрасно понимаю, Валерий Аркадьевич начал сердиться. – Вы, Миша, не обижайтесь, но вы выбрали удобненькую позицию. Все не имеет никакого смысла, все заранее обречено. Чушь! Обломовщина! Да в самые страшные времена находились люди, ставившие себя выше обстоятельств.

– Мне грустно, я чувствую буд-дущее. Оно ничуть не лучше прошлого, даже хуже в чем-то.

– Я бы на вашем месте поменьше всякой фантастической макулатуры читал. Бросьте вы, Миша, займитесь чем-нибудь интересным, физикой, например. Бегайте по утрам, отжимайтесь хотя бы раз по двадцать, и всю вашу меланхолию как рукой снимет.

– Один хорош-ший поэт написал когда-то гениальную строчку. – Миша прикрыл глаза. – Времена не выбирают. В них живут и умирают.

– Интеллигентские сопли, – Валерий Аркадьевич завелся. – Живут – да, умирают – нет. Потому что идеи, дух человеческий, разум...

– Ну да, ну да, я знаю, что вы сейчас скажете, и даже не хочу с вами спорить.

Мы дошли до поляны, поросшей высокой травой.

– Ой, мамочка. – Таня, голая и раскрасневшаяся, выпорхнула, как испуганная перепелка из-под ног, и, взвизгнув, исчезла в кустах. Все заняло доли секунды, будто ударила молния, и высветила женскую фигуру с прижатыми к обнаженной груди руками. Грудь у Тани были маленькими и острыми, с напряженными розовыми сосками.

– Шляетесь здесь, задолбали уже, – Серега подтянул штаны. – Нет, я не понимаю, вам чего, гулять больше негде?

– Вы, вы, – Миша начал подергиваться. – Как вы пос-смели?

– А не твое дело, ханурик. Может, у нас любовь. – Ухмыльнулся Серега.

– Я выз-ываю вас на дуэль!

– Да пошел ты, дурачок, – Серега поднялся с земли и лениво побрел к опушке.

14.

Мишу рвало, потом у него начались судороги, напоминавшие эпилептический припадок, и пошла слюна изо рта..

– Держи, держи его, чтобы не захлебнулся, – рычал Валерий Аркадьевич. – Вот экземплярчик, твою мать, совсем мозги набекрень! Нелепый какой-то, с ног до головы..

Судороги начали ослабевать, и Миша повис у нас на руках.

– Начитался всякой ереси! – Валерий Аркадьевич никак не мог успокоиться. – Нашел себе прекрасную Дульсинею! Втюрился в провинциальную рыжую девку, это с его-то комплексами. Теперь еще дуэль ему подавай..

– Голова, – застонал Миша. – Больно. Почему так больно?

– Осторожно, только не ворочайся – мы перетащили обмякшего Мишу к лодке.

– Ну что, отошел немножко? Давай, чайку горячего попей. Эк тебя прихватило, ты что, парень?

– Оставьте меня, – Миша отвернул голову, уткнувшись в брезентовый край палатки.

– Ты мужик, или нет? Нельзя же так. Влюбился, ну и сказал бы Тане этой напрямую. Да она даже не знала про тебя ничего.

– Я ничего не хочу.

– Смазливая девка, молодая, парень ее в армии, далеко, а тут... Обычная история, на отдыхе еще не то бывает.

– Не смейте называть ее смаз-зливой! – Миша начал подергивать шеей, заикаться, и, вдруг развернувшись, закатил Валерию Аркадьевичу пощечину.

– Так, знаешь что дружок, пошел ты куда подальше... – Валерий Аркадьевич поставил кружку с чаем на землю. – Пока не придешь в себя и не извинишься, разговаривать с тобой отказываюсь.

– Ты чего, Миша, свихнулся, что ли? Да мы тебя еле до палатки дотащили! – возмутился я.

– Да что он понимает, – Губы у Миши скривились. – Что вы знаете, черт бы вас всех побрал! Кому из вас какое дело до того, что я чувствую, а ведь я живой человек! Да, я странный, я больной, возможно, но я живой!

– Слушай, ты успокойся. Все образуется.

– Впрочем, что это я... Да, я люблю ее. Глупо. – Миша начал едва слышно лопотать, будто в бреду. – Зачем я ей нужен. Ж-жалко. Будущее жалко, хотя оно и так страшное. Нет, все-таки я прав. Все не имеет ни ма-малейшего смысла. А теперь оставь меня одного, пожалуйста... – Миша закрыл глаза. – Я устал. Я хочу спать и видеть сны. Сны о чем-то большем.

– Ну давай, отдохни, – мне стало неловко.

– Шарик, шарик, блестящие. Извиваются. Взрываются фейерверками рассудка. И рядом огромный елочный шар, голубой, с серебряными звездочками. Мне мама его купила на Новый Год... И я подумал: магазин "Галантерея", а он – как Юпитер, всех нас раздавит.

В тот момент я понял, что Миша действительно психически нездоров.

15.

Ночью страшно закричала Таня. К тому моменту, когда я выскочил из палатки, все было кончено. Серега матерился и грозился прибить "этого недоноска". Из руки у него торчал кухонный ножик, которым разделявали рыбу на кухне.

По словам Тани, Миша подстерег их с Сергеем на берегу реки и пытался ее поцеловать. Серега оторопел вначале от такой наглости, потом схватил Мишу за плечо и получил удар ножом. Увидев кровь, Миша заплакал, бросился в воду и уплыл в неизвестном направлении.

Доктор Розенбергис нож вытащил и перевязал Сереге руку. Рана, по его мнению, была не опасной. Брови у доктора хмурились, он был недоволен происшествием и плохим качеством перевязочного материала.

Миша не возвращался. К вечеру его начали искать – съездили на островок, прошли вдоль берега в поисках чего-либо подозрительного, добрали до деревушки, расспрашивая у местных, не видели ли они странного гражданина.

На следующее утро об исчезнувшем сообщили в милицию. Приехал сельский участковый, облазил кусты на берегу, ничего не нашел, и составил протокол.

– Я сразу, как его увидела, так и поняла, что ничего хорошего от таких ждать не приходится, – в тысячный раз повторяла Нина Петровна. Она старалась не смотреть мне в

глаза. – А все из-за этой, – недобрительно поджимала она губы и голос ее становился слащавым и неестественным. – Если бы не гуляла с кавалерами, так и отдохнули бы все спокойненько.

Инструктора вызвали в город расследовать ЧП. К вечеру он не вернулся, и роль руководителя в очередной раз взял на себя Николай Васильевич. Никакого настроения продолжать поход ни у кого не было, и на следующий день группа самовольно вернулась на турбазу. Плыли мы на этот раз по течению, и добрались до пристани быстро, всего за несколько часов.

Выяснилась странная подробность: никто не знал Мишиного адреса и места работы. Паспорта его не нашли, в рюкзаке остался только свитер и брезентовые штаны. В турбазовской анкете графы с адресом были оставлены пустыми, и регистраторше объявили строгий выговор за служебную халатность.

Поскольку утопленника не нашли, а рука у Сереги через несколько дней зажила, дело заглохло само собой – все решили, что Миша попросту испугался и сбежал.

Мне почему-то казалось, что Миша утонул. Чувство это было странным. Река, столь приветливая и светлая, теперь почему-то представлялась мне зловещей. Я не мог заставить себя зайти в воду, с отвращением глядя на щупальца водорослей, покачивающихся у деревянных мостков. К вечеру я старался отойти подальше от берега, и в голове нет, да и возникали трусливые мысли о том, что сумасшествие может быть заразным, как вирус...

16.

За день до отъезда, лодочно-туристическая группа собралась на прощальную пьянку. Набрали грибов, зажарили их на костре, кинули на сковородку картошку с луком, обильно полив ее подсолнечным маслом. Николай Васильевич даже умудрился охмурить турбазовского шофера и сгонять на УАЗике в районный центр за водкой и консервами. Все обменивались адресами, и я с некоторым испугом представил себе, как в родительскую квартиру приезжает Нина Петровна "проведать" столицу.

– А все-таки хорошо отдохнули, – подвела итог Нина Петровна. – Ну, не без приключений, но главное, что все обошлось. А какая уха наваристая получилась! Так и вспоминаются басни Крылова.

– Надеюсь, еще встретимся, Саша, – Валерий Аркадьевич пожал мне руку. – Звоните, не пропадайте.

– Ну, еще по одной, и фотографию на память. – Серега суетился, прилаживая фотоаппарат на свежем пеньке. – Десять, девять, – механический затвор зажужжал. – Восемь... – Серега подбежал к нам и присел на корточки. – Не плачь, Татьяна, Я тебе письма писать буду. В Вологду-гду. Четыре, три... Сейчас птичка вылетит!

В турбазовской столовой случился ремонт. Столы сдвинули в угол, цементную стенку расписывал странного вида мужичок в малярном комбинезоне. Поразили меня его безумные глаза, смотревшие в одну точку. Рисовал мужичок с неправдоподобной скоростью. На стене одна за другой появлялись странные рыбы с когтями вместо плавников, в лодках сидели люди-младенцы с огромными головами, покрытыми белесым пушком, а женщина на дне реки прижимала к себе ребенка с русалочьим хвостом.

17.

Мы возвращались в Москву. Водитель рейсового автобуса попался неопытный. За городом он еще как-то справлялся с управлением, но, доехав до кольцевой, начал нервничать. Автобус

проскочил пару светофоров на красный свет, и на очередном перекрестке врезался в черную "Волгу". Удар был боковым, никто не пострадал, только попадали с полок рюкзаки и авоськи. Из "Волги" вылез генерал в штанах с красными лампасами, напомнив мне о Нине Петровне, резко запахло разлившимся по асфальту бензином.

Мы с Лехой взяли рюкзаки и пошли пешком до ближайшей станции метро. Там мы распрощались, договорившись встретиться за пару дней до начала семестра и выпить пивка. Леха исчез в подземном переходе, а я закурил сигарету и решил немного пройтись.

Улица была пыльной, сталинские дома с бойницами балконов нависали над железнодорожными переездами, воздух пах металлической стружкой и горячим битумом. Из проходной выходили отработавшие смену женщины со странными прическами. Их помутневшие и потрескавшиеся на сгибах ярко-красные босоножки, ситцевые платья с карманчиками и пестрые сарафаны показались мне убогими.

Почему-то я начал замечать, что у окружающих меня людей странные лица. У большинства из них на физиономиях было одинаковое выражение, строгое, слегка скорбно-озабоченное, какое бывает на похоронах нелюбимого родственника. И стало вдруг душно и жутко. Дыхание мое перехватило. Время остановилось, и пришло странное чувство того, что все это уже было. Я как будто смотрел знакомое кино, виденное десятки раз: толстая бабка в грязно-зеленом сарафане остановилась и начала рыться в сумочке, полные руки ее колыхались, как медузы. Из магазина вышла усталая женщина в темно-синем платье с цветочками и тяжелыми цыганскими серьгами в ушах. Она тащила ячеистые сетки с грязно-бежевыми бумажными свертками. Из сеток на раскаленный асфальт капала кровь, свертываясь мутным белком.

18.

История, происшедшая тем летом, постепенно забылась под пластами времени. Время от времени что-то всплывало в памяти, каждый раз вызывая суеверное покалывание ледяных иголок в спине. Так было, когда началась афганская война. Потом я услышал один из первых дисков "Аквариума" и вдруг вспомнил, что Миша в бреду мечтал увидеть "сны о чем-то большем". Были и еще совпадения, всего не упомнишь.

Этим летом я наткнулся на статью, посвященную двадцатипятилетию стыковки кораблей "Союз"- "Аполлон". Что-то там писали про то, что стыковка эта была пропагандистским актом, обошлась налогоплательщикам чуть ли ни в миллиард долларов, и вообще чудом состоялась из-за каких-то технических неполадок.

Вспомнился мне случайно встреченный американский астронавт, космос пахнущий резиной и пластиком. Четверть века! Полезла в голову всякая чепуха, про ночь, улицу и фонарь, потом подумалось, что еще немного, и наступит старость. Я выпил рюмку коньяка, и начал рыться в картонной коробке, набитой старыми бумагами. В доисторической папке обнаружился чудом сохранившийся список участников похода и надорванная фотография, сделанная на прощальной попойке.

На старых фотографиях поражают детали. В каждой эпохе у людей свое, ни на что не похожее выражение лица. Как непривычно мы тогда одевались. Вот и герой-любовник Серега из Воркуты. В памяти он остался совсем другим, без этого советского пробора. Таня, совсем еще девочка, в широком ситцевом платье и уродливых туфлях. Да и я сам, неужели я так глупо выглядел? Хоть бери и прямо сейчас посылай на стройки коммунизма. Какие странные у всех глаза, далекие, обреченные и пустые, как будто рассматриваешь фотографии начала века. Уже прошлого, черт возьми.

И вспомнился жаркий день, старуха в зеленом сарафане, кровь, капающая на асфальт Московской улицы, пробежал озноб по спине, и дежавю, наконец, замкнулось в бесконечную временную петлю.

– Времена не выбирают, – пробормотал я. Темно-синий томик "Избранного" Кушнера стоял в книжном шкафу. – В них живут и умирают...

Я тупо смотрел на дату: 1978 год. Выходит, что тем летом Миша цитировал строчку из будущего, написанную три года спустя. Ерунда, скорее всего, это простое совпадение. Опечатка. Или, возможно, стихотворение было написано раньше и несколько лет не публиковалось.

*Крепко тесное объятье,
Время– кожа, а не платье,
Глубока его печать.
Словно с пальцев отпечатки
С нас – его черты и складки,
Приглядевшись, можно взять.*

Сентябрь 2000 г.